

Екатерина Арцева

г. Самара

И под страхом шагов моих
Фреска листьев у знака «стоп»
Задрожит на всех мостовых,
Превращаясь в калейдоскоп.

По консерве железных дорог электрический
нож
Пробегают, вскрывая мозоли уставшей земли.
Открываю страницу и вижу загадочный дождь,
Ускользнувший вдоль зеркала рек, где его
не нашли.

За горою любви только поле увядших шагов:
Их следы потемневших бутонов – скупая слеза.
Мы проехали мимо, а значит, и ты не готов
Подытожить рассветы, закаты в купе увезя.

Под небесным экраном засвечен луною
ландшафт.
На последний вагон путеводной не хватит
звезды:
У Медведицы ковш деревянный и, видно,
дыряв,
Раз река утопает в себе и кричит «Уходи».

Односложный рельеф не смываем
с оконной строки,
Мы вложили закладки в десятки закрытых
страниц.
Я надеюсь, что дождь от касаний
вспотевшей руки
Не сорвется с обрыва и не распугает синиц.

Обручальные кольца деревьев мелькнут
по утрам.
Пальцы станут наощупь как ссохшийся
виноград.
Может быть, этот поезд не знает, но я
не умру,
Потому что река превратилась давно
в водопад.

А

Вызревают арбузы моей запоздалой любви.
Урожай моих слёз высыхает на сонных
полях.

А в каком-нибудь мёрзлом селении лопари
Никогда не видали выцветших летом рубах.

Но у солнца есть я. И владенье моё велико.
Это я буду жертвовать зною и спину, и грудь.
Дорогая, я голоден. Вырви своею рукой
Сорняки многоликой печали и нежность
добудь.

Лопари не вступают с жарою за чувства
в бой.

Голова их трезва, и сердечный цветёт огород.
Это пекло прикончит меня и займётся тобой.
И тогда за арбузами точно никто не придёт.

Солнце в липах наперекрёст
Ускоряет шаг тени в ткань
И небесной гортензии рост
Сквозь сухую мою гортань.

В мятном воздухе духи слов
Горизонт мне сыпят в карман.
Затекает горечь ветров
В обнаженной земли стакан.

И я слышу упреки воды за плечами у гор.
Эти всхлипы речные холодное эхо несет.
Отражение собственной тени мне ставят

в укор,

И сужается звуком встревоженный
каменный свод.

Но осенний пейзаж разрезает мой
солнечный нож.

И трещит полотно. Осыпаются горы
в рюкзак.

Если в этих краях ты хоть что-нибудь
заберешь,

То останешься здесь, заполняя травой
буерак.

Авраамовым деревом профиль иконный
горит,

И в Адамовом корне зашито чужое ребро.
Уплывает вдоль русла небесного жёлтый

нефрит,

На обратном пути превращая планету
в паром.

Сосновый лес капризным табуном
Ворвался в день осенний. Колкой гривой
Поддерживает свод, чтоб он не смог
В тумане слиться с проржавевшим дном.
На хвойные дыбы встают кобылы,
Копытом-корнем мир сжимая в лог.

Чуть выше ветки расширяют мир,
Переплетаясь птичьей силой в гнёзда,
Что счастье без подковы берегут.
Последний чиж как пятнышко чернил.
Но запоздалый всадник желтохвостый
Лишь выронит из клюва конский жгут.

Здесь только ветер возвращает строй
Разнузданным стволам из краснолесья.
Он, как пастух, идет на первый звук:
Отскакивает от земли сырой
Пустая шишка, воздух перевесив
И не найдя её лоящих рук.

Древесных лошадей умолкнет край,
И небеса в ладонях им подарят

Кусочек солнца в предзакатной мгле,
Опущенный в осенний дождь, как в чай.
Пусть влажный желтый сахар поедают
Верхушки, что испачканы в смоле.

Убегал беспробудный рассвет
под зеркальные пляски воды,
И в его загорелой тени умирала неузнанной
мать.

Я искала ей ягоды глаз, нежность рук,
аромат резеды,
Научившись все травы – в пучок, а все
волосы в хвост собирать.

Паутину сплела из лжи. Для других.
Для нее – две косы.

Из седой бересты – туесок. Для закатных
карминовых слез.

В каждой умершей матери – свет. И поэтому
слепнут отцы,

Растеряв повзрослевших детей (из сачка
диковатых стрекоз).

Так шипы оторвавшихся роз превращают
в терновый венец,

Мягкотелую гофру разлук собирают
в гербарий тоски.

По весне из родного гнезда сиротливый
выходит птенец,

И букеты иссохшей травы в туесках
непреренно легки.

